

УДК 130.2 + 101 + 123 + 172.4
DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-35-49

Насилие в рефлексии австрийских и немецких интеллектуалов еврейского происхождения (Х. Арендт, Э. Фёгелин, Л. Штраус)

А. М. Давлетшина

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Рассматривается рефлексия над насилием австрийскими и немецкими интеллектуалами еврейского происхождения, в частности Х. Арендт, Э. Фёгелином, Л. Штраусом. Демонстрируется, что такие явления, как война, антисемитизм, насильственные действия в период Первой и Второй мировых войн и в межвоенное время оказали значительное влияние на мыслителей, которые были вынуждены размышлять над природой насилия, опираясь не только на историческую, политическую и философскую мысль, но и на свой личный опыт. Представлена попытка рассмотрения интеллектуальной рефлексии указанных мыслителей по двум линиям – политическое в насилии и насилие как обыденность.

Ключевые слова

насилие, политическое насилие, тоталитаризм, Х. Арендт, Э. Фёгелин, Л. Штраус, интеллектуальная рефлексия, постимперская ситуация, межвоенный период

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 17-18-01165)

Для цитирования

Давлетшина А. М. Насилие в рефлексии австрийских и немецких интеллектуалов еврейского происхождения (Х. Арендт, Э. Фёгелин, Л. Штраус) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 35–49. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-35-49

© А. М. Давлетшина, 2019

Violence in Reflection of Austrian and German Intellectuals of Jewish Origin (H. Arendt, E. Voegelin, L. Strauss)

A. M. Davletshina

*Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsyn
Yekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the reflection on violence by Austrian and German intellectuals of Jewish origin, in particular, H. Arendt, E. Voegelin, L. Strauss. It is shown that such phenomena as war, anti-semitism, violent actions during the First and the Second World Wars and interwar period had a significant effect on thinkers who had to reflect on the nature of violence, relying not only on historical, political and philosophical thought, but also on personal experience. As a result, the article presents an attempt to consider intellectual reflection of these thinkers in two ways – the political in violence and violence as a daily routine.

Keywords

violence, political violence, totalitarianism, H. Arendt, E. Voegelin, L. Strauss, intellectual reflection, post-imperial situation, interwar period

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 17-18-00165)

For citation

Davletshina A. M. Violence in Reflection of Austrian and German Intellectuals of Jewish Origin (H. Arendt, E. Voegelin, L. Strauss). *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 35–49. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-35-49

Введение

События Первой мировой войны не только оказали значительное влияние на экономическое, политическое и правовое пространство, но также поставили новые вопросы, поиском ответа на которые занимались интеллектуалы и в межвоенный период, и после Второй мировой войны. Одним из следствий войн стало понимание, что насилие во всех его проявлениях представляет собой одну из угроз существования человечества и не может быть оправдано теоретически. Ст. Цвейг (1881–1942) в автобиографии

«Вчерашний мир: воспоминания европейца» («Die Welt von gestern», 1943) писал, что «...поколение 1939 года с войной было уже знакомо. Оно уже не обманывалось. Оно знало, что война – это не романтика, а варварство. Что длится она годы и годы, это непоправимое зло жизни. ...знали, что любая война 1939 года из-за ее бездушной механизации будет в тысячу раз более подлой, более жестокой и более бесчеловечной, чем все прежние войны человечества. Никто из поколения 1939 года не верил больше в благословенную Господом справедливость войны, и больше того: уже не верили даже в справедливость и продолжительность мира, который она должна была принести. Ибо слишком хорошо еще помнили все разочарования, которые принесла последняя: обнищание вместо обогащения, ожесточение вместо удовлетворения, голод, инфляцию, мятежи, потерю гражданских свобод, закабаление государством, выматывающую нервы неуверенность, недоверие всех ко всем» [Цвейг, 2016. С. 250].

Изучением насилия занимались многие исследователи, в частности В. Беньямин, Ж. Сорель, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Левинас, Ж. Деррида, Х. Арндт и др. Также можно отметить, что среди мыслителей, рассматривающих насилие, было много интеллектуалов еврейского происхождения. Именно они были одними из тех, кто ощутил на себе насилие в разнообразных формах – начиная с небольших проявлений антисемитизма и заканчивая «лагерями смерти». Эмансипация и ассимиляция еврейского населения по отношению к австрийскому и немецкому населению, активное включение их в экономическую сферу и культурную жизнь в качестве активных участников, привели накануне Первой мировой войны не к улучшению жизни, а, наоборот, к расширению антисемитских настроений в Европе.

Положение австрийских и немецких еврейских граждан еще более ухудшилось в межвоенный период, и чем ближе была новая война, тем более яркими были проявления насилия по отношению к ним. Например, если говорить об Австрии после Первой мировой войны, то положение евреев значительно ухудшилось, что проявилось в ужесточении норм в правовом поле. Г. Бюргер в работе «Национальность и гражданство авст-

рийских евреев» («Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden», 2014) показывает, что тогда бывшие граждане Австро-Венгрии еврейского происхождения встречали препятствия на пути к получению нового гражданства в одном из государств-правопреемников [Burger, 2014]. Чаще всего этот процесс заканчивался отказом. Новое правительство заняло в отношении евреев, проживавших раньше в Австро-Венгрии, очень жесткую позицию, которую поддерживал ряд членов правительства: «Вследствие того, что евреи по своей расе безусловно отличны от большинства населения, я отдал распоряжение, согласно которому ни одно прошение еврея о получении подданства не может быть удовлетворено» [Рот, 2011. С. 34].

Еврейское население, вне зависимости от того, сохраняло оно свои традиции или нет, постоянно находилось в состоянии притеснения, что очень остро переживалось интеллектуалами еврейского происхождения, особенно в связи с тем, что их исторический опыт это подтверждал (антисемитизм, ущемления в гражданских правах, война и ее последствия и т. д.). Известный австрийский писатель Й. Рот (1894–1939) писал, что «историческое чувство, подкрепленное опытом, говорит, что первыми жертвами всякого кровопролития, затеваемого историей, оказываются евреи» [Там же. С. 21].

Наблюдая руины «старого мира» и опасаясь новой войны, они пытались понять сущность насилия и возможность преодоления этого зла, которое стало обыденностью во время следующей войны. Хотя теоретических работ, изучающих этот феномен в межвоенное и послевоенное время, не так много, но практически каждый интеллектуал в своих исследованиях, письмах или автобиографиях размышлял о его причинах и способах преодоления. Так, З. Фрейд (1856–1939) в письме «Неизбежна ли война?» («Warum Krieg?», 1932), адресованном А. Эйнштейну, задается этим сложным и болезненным вопросом. Рассуждая о насилии, он приходит к выводу, что насилие постоянно присутствует в нашей культуре, обществе, отдельном индивиде. Закон может быть только некоторым решением, сдерживающим применение насилия. «Насилие преодолевается благодаря объединению, и власть этих объединившихся представляет собой, между тем, право

в противоположность насилию отдельного человека. Мы видим, что право – это власть некоего сообщества. Это все еще насилие, направленное против каждого отдельного человека, который сопротивляется ему, использующему те же средства и преследующему те же цели»¹.

Акты насилия со стороны нового немецкого правительства накануне новой войны оказались настолько масштабными и беспрецедентными для XX в., что это привело к стремлению многих еврейских интеллектуалов как можно скорее покинуть данные территории. Х. Арендт, Л. Штраус и Э. Фёгелин не были исключением в этом плане. Все они были вынуждены покинуть родину и искать новое место для жизни, и уже там осуществлять поиск ответа на вопрос «как преодолеть насилие».

Понимание насилия

В межвоенный и послевоенный периоды насилие стало одним из ключевых предметов исследования. В том случае, когда насилие не рассматривалось отдельно, оно воспринималось в связи с политикой государства и права – при рассмотрении власти, политических режимов и т. д.

Известный политический философ Х. Арендт (1906–1975), как и многие интеллектуалы, была вынуждена в 1933 г. после прихода к власти нацистов в Германии покинуть страну. По ее мнению, предшествовавшая политическая мысль не смогла прояснить понятие «насилие», в связи с этим она отдельно пытается рассмотреть его в работе «О насилии» («On Violence», 1969), а также в других ее книгах, статьях и эссе можно увидеть описание этого феномена и его проявлений во Вторую мировую войну.

В своих работах она определяет насилие как явление, отражающее инструментальный аспект политической деятельности. Понятие «насилие» имеет связь с силой практикующего его субъекта, с тем, что «средства, используемые насилием, как и все орудия, используются с целью приумножения его природных сил – вплоть до полной замены этих сил, знаменующей конечную стадию развития данных орудий» [Арендт, 2004. С. 325].

¹ Фрейд З. Неизбежна ли война? URL: <https://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/> (дата обращения 18.09.2018).

Насилие в итоге предстает как принудительное ограничение свободы политических субъектов, как подавление физических и духовных возможностей участников политического процесса. При этом «насилие» и «террор», по мнению Арендт, явления взаимосвязанные. Террор как суть тоталитарного правления проявляется в двух аспектах: как форма правления, устанавливаемая при наличии насилия, и как «крайняя форма проявления насилия тоталитарным господством» [Там же. С. 335].

Насилие и власть также связаны друг с другом, но «насилие всегда может разрушить власть... Чего никогда не способно породить насилие – так это власти» [Там же. С. 333]. «Поскольку власть, по сути, представляет собой всего-навсего средство, а не цель, общество, основанное только на власти, в покое стабильности может лишь распасться; именно в упорядоченной безопасности обнаруживается, что оно построено на песке. ... Это вечно шатающееся здание вынуждено постоянно обеспечивать себе новые наружные подпорки, иначе оно вмиг обрушится в бесцельное и беспринципное Ничто, из которого возникло. Эта неизбежность политически закреплена в теории естественного состояния, в котором государства пребывают по отношению друг к другу и которое – как война всех против всех – делает возможным постоянный прирост власти за счет других государств» [Арендт, 2018. С. 27].

Нельзя, конечно, говорить о том, что можно избежать насилия, что можно говорить о ненасильственной власти. В определенных случаях применение насилия оказывается оправданным, а именно по отношению к преступникам и бунтарям внутри государства и при ограждении властных структур государства от «попрания их» внешними врагами. Отмечает Х. Арендт и то, что государство по своей природе не может обойтись без принуждения через законы, и опасность состоит здесь именно в том, что насилие может стать основным инструментом. «Государство возникает путем делегирования власти (но не прав!). Оно получает монополию на убийство, а взамен предоставляет относительную гарантию, что ты не будешь убит. Безопасность создается законом, который является непосредственной эманацией монополии государства на власть (а не издается людьми в соответствии с человеческими представлениями о том, что хорошо и что

плохо). Поскольку же этот закон есть итог абсолютной власти, человеку, живущему под ним, он представляется абсолютной неизбежностью. Перед законом государства, то есть перед аккумулированной и монополизированной государством властью общества, не стоит вопрос о справедливости и несправедливости, есть лишь абсолютное подчинение, слепой конформизм обывательского мира» [Там же. С. 24]. Но, отмечает Арендт, функция политического насилия как способа поддержания политической стабильности весьма ограничена, так как в итоге оно приводит к отчуждению участников политического процесса друг от друга.

Особый интерес в рассмотрении проявлений насилия представляет в описании Х. Арендт рефлексия над становлением насилия и преступления своеобразной технологией, которая осуществляется теперь не только государством, но в этот процесс оказываются включены все. «Техника» и «научность», выступив определенными методами обоснования образа евреев как «недочеловеков» через пропаганду и ложь, включили в массовые убийства практически все слои населения – переведя насилие и ответственность за совершенное насилие из сферы чисто политической в личную рефлексию каждого участника. В итоге после Второй мировой войны наблюдается определенная риторика стыда и ответственности за произошедшее среди немцев: «Они инстинктивно чувствуют, что в идее единого человечества, в какой бы форме она не выступала – в религиозной или в гуманистической, – содержится и обязательство общей ответственности, которую они брать на себя не желают. Ведь из идеи единого человечества, очищенной от всякой сентиментальности, политически вытекает очень важное следствие, что нам так или иначе придется взять на себя ответственность за все преступления, совершенные людьми, а народам – ответственность за все злодеяния, совершенные народами. Чувство стыда за то, что ты человек, есть всего лишь индивидуальное и неполитическое выражение этой точки зрения» [Арендт, 2018. С. 55]. Это коллективное чувство стыда, коллективная ответственность, привела к следующему: «Не знаю, много ли еще в истории было прецедентов таких неуместных чувств, но точно знаю, что в послевоенной Германии, где сходная проблема возникла

в связи с деяниями гитлеровского режима по отношению к евреям, возгласы “Мы все виновны!”, поначалу звучавшие так благородно и подкупающе, на самом деле служили лишь тому, чтобы снять значительную часть вины с тех, кто действительно был виновен. Когда все виновны, – невиновен никто. Вина, в отличие от ответственности, обособляет; она может быть только личной. Она относится к поступку, а не к намерениям или возможностям» [Там же. С. 205].

Обращаясь к Э. Фёгелину и Л. Штраусу, следует отметить, что у них нет отдельных работ и статей, написанных на тему насилия, но можно выявить определенное отношение к нему как к феномену при рассмотрении государства, тирании, естественных и позитивных прав человека и т. д.

Политический философ Л. Штраус (1899–1973) является интеллектуалом еврейского происхождения. В 1932 г., после ужесточения режима, он был вынужден покинуть Германию и переехать в Париж, а в 1938 г. эмигрировал в США. Больше всего он известен своими исследованиями в области политической философии, а также «теорией естественного права», в которой он акцентировал внимание на том, что ряд прав гарантирован самим фактом рождения, а не государством.

Л. Штраус, во многом опираясь не только на историю политической и правовой мысли, но и на современную историю, отмечает еще в 1934 г., что сформировался определенный подход к праву в Европе. По его мнению, «Запад всё еще придает решающее значение естественному праву, тогда как в Германии сами термины “естественное право” и “гуманность” сейчас вряд ли воспринимаются... и всецело потеряли свою первоначальную жизненность и свежесть красок» [Штраус, 2007. С. 7]. Право больше не является гарантом безопасности и сохранения естественных прав человека на жизнь, свободу и т. д. Основным инструментом государства являются законы, отражающие в себе позитивную сторону права. В итоге «проблема естественного права сегодня – скорее предмет воспоминания, чем актуальность познания» [Там же]. Во многом это связано с таким феноменом, как «германский нигилизм». Опираясь на исторический опыт, он понимает германский нигилизм как стремление «к разрушению современной цивилизации постольку, поскольку последняя имеет некое моральное значение»

[Штраус, 2013. С. 183]. Важно то, что германский нигилизм не представляет собой нигилизм абсолютный, не есть желание разрушить все, включая себя самого, а является желанием разрушить нечто конкретное – современную цивилизацию. Желание разрушить носит в себе протест морального свойства. «Это протест, исходящий из убеждения в том, что интернационализм, присущий современной цивилизации, или, точнее, создание абсолютно открытого общества, которое вроде бы является целью современной цивилизации, а значит, и все человеческие устремления, направленные к этой же цели, несовместимы с базовыми требованиями нравственности» [Там же. С. 183–184]. Касательно фашистской Германии, он обращается к Г. Раушнингу, который «назвал внешней и внутренней политикой нацистов “революцией нигилизма”, что означает: он не то, чем хочет казаться, нацизм – это не становление “нового порядка”, а “бессмысленная и губительная эксплуатация невозстановляемых ресурсов, материалов, душевных и моральных сил, накопленных поколениями тяжкого труда”». Война демонстрирует этот нигилизм: «Война – это разрушение. Если считается, что война благороднее мира, если война, а не мир рассматривается в качестве цели, то цель эта не ведет ни к чему, кроме разрушения» [Там же. С. 184, 199]. Отсюда он делает вывод, что германский нигилизм отвергает принципы цивилизации как таковой ради военных добродетелей.

Э. Фёгелин (1901–1985) был одним из тех интеллектуалов, который так же, как и многие, столкнулся с насилием и ущемлением в новых законах на территории Австрии. Несмотря на то что он родился в Кёльне (Германия), большая часть его жизни была связана с Австрией, где он окончил Венский университет, получил докторскую степень и до 1938 г. преподавал в родном университете. В 1938 г. после аншлюса он был вынужден покинуть Вену и эмигрировал в США. В его политических работах мы можем так же, как и у Л. Штрауса, видеть рефлексии о прошедшем.

Э. Фёгелин в своих исследованиях по политической философии рассматривал историю политической мысли. Если для Л. Штрауса современная политическая мысль начиналась с Н. Макиавелли и включает в себя основные идеи его философии, то для Э. Фёгелина современность начина-

лась в Средних веках и исходила из гностицизма. Гностицизм обозначал для него определенную тенденцию в западной мысли, которая сводилась к тому, что «переносила христианские символы и надежды из потустороннего мира в мир конкретных действий» [Павлов, 2011. С. 117]. Иными словами, как отмечает А. В. Павлов, «западные политические мыслители создавали проекты строительства рая на земле, а Фёгелин изобличал “все гностические движения, которые были слепы по отношению к религиозному порядку в истории”, напоминая, что “гностическая революция имеет своей целью перемену природы человека и установление преображенного общества” – область ведения исключительно Всевышнего» [Там же]. По его мнению, различные разновидности национализма, идеологий и т. д. – все это проявления «политического гностицизма». Именно теории, построенные на гностицизме, привели к тоталитаризму: «Цивилизация, без сомнения, может развиваться и угасать одновременно, но не бесконечно. Есть предел этому противоречивому движению, и он достигается, когда активистская секта, которая воплощает в себе гностическую истину, реорганизует цивилизацию в империю под своим руководством. Тоталитарное общество, определяющееся как экзистенциальное господство активистов, – такова конечная форма прогрессивной цивилизации» [Чернявская, Маштаков, 2015. С. 191].

В итоге можно говорить, что Э. Фёгелин и Л. Штраус в рассмотрении оснований тирании, власти, позитивного права, несмотря на то что напрямую не обращались к роли насилия, демонстрируют, что оно включено в сферу политического.

Насилие как обыденное зло

Насилие в межвоенный и военный периоды продемонстрировало себя в разных формах и масштабах, но отличием Второй мировой войны от Первой оказалось проявление насилия в повседневности – как обыденности, рутины. Общество столкнулось с тем, что насилие осуществляется не некоей силой, а простыми людьми, находящимися по разные стороны. «Реальность такова, что “фашисты – это такие же люди, как мы”; кошмар в том, что они показали и даже со всей очевидностью доказали, на что че-

ловек способен. Другими словами, проблема зла будет фундаментальным вопросом послевоенной интеллектуальной жизни в Европе, подобно тому как смерть стала фундаментальной проблемой после Первой мировой войны» [Арендт, 2018. С. 253]. Люди столкнулись с «кошмаром реальности», где «интеллектуальное оружие потерпело жалкое поражение» [Там же. С. 252]. Общество активно пыталось избежать прямого столкновения с этим кошмаром в своей духовной наготе, используя проверенные временем образы, которые соответствовали бы случившимся потрясениям, расшатывая их основания или объяснив. «Огромное смятение, которое так или иначе испытывает каждый человек доброй воли, когда речь заходит о Германии, обусловлено не существованием тех безответственно ответственных, приговор которым, надо думать, вынесет только история, и не деяниями самих нацистов. Скорее всего, это смятение вызывает та чудовищная машина “административного массового убийства”, для обслуживания которой требовались и использовались не тысячи и не десятки тысяч отборных убийц, а весь народ» [Там же. С. 46].

Насилие, в отличие от инструментов власти, проявляет себя бессловесно, и это демонстрируется в повседневности насилия: «...оружие и сражения принадлежат к сфере насилия, а насилие, в отличие от власти, бессловесно; насилие начинается там, где заканчивается речь. Слова, используемые для сражений, теряют свое качество речи; они становятся клише» [Там же. С. 510]. В послевоенное время общественное сознание наполнено различными клише, с помощью которых общество пытается оправдать свое насилие и доказать, что не ответственно за случившиеся.

Когда виноваты все, невозможно иначе. «Как политический рассудок человека отказывается понимать “административное массовое убийство”, так на тотальной мобилизации терпит крах человеческая потребность в справедливости. Когда виноваты все, судить в принципе больше некому. Ибо как раз у этой вины отнята даже видимость ответственности, даже чистое притворство. Пока кара есть удел преступника – а на этом положении уже более двух тысяч лет зиждется чувство справедливости и правосознание западного человечества, – неперменной частью вины является

сознание своей виновности, а неотъемлемой частью кары – убежденность в способности человека нести ответственность» [Арендт, 2018. С. 47–48].

В этом «молчании» возникает также вопрос о свободе: когда одной из проблем является вина и есть вообще страх перед возможностью повторения истории, то как в этой реальности оставаться свободным? Может ли интеллектual быть свободным при тоталитарном режиме? Для Л. Штрауса это был один из наиболее важных вопросов. Э. Фёгелин в своей критической статье на работу Л. Штрауса «О тирании» отмечает, что «проблема, более всего интересующая автора, – свобода интеллектуальной критики при тираническом правлении. Мы живем в эпоху тирании, следовательно, представляет интерес не только то, что древние говорили о ней, но, возможно, в еще большей степени то, как они могли говорить что-то, при этом не будучи убитыми» [Фёгелин, 2011. С. 126]. А. В. Павлов, анализируя политическую философию Э. Фёгелина и Л. Штрауса, также отмечает: «Не хотели ли эмигранты намекнуть на то, что, критикуя “современность”, берущую начало в трудах Макиавелли, на самом деле они критиковали современность, в которой жили сами? Стало быть, все они продолжали бояться преследования со стороны “современной тирании”, пусть и “благодетельной”» [Павлов, 2011. С. 122].

Заключение

Война продемонстрировала легитимацию насилия одной группы по отношению к другой. Окончание войны не привело к формированию еврейской общности, а продемонстрировало еще большую разрозненность между индивидами. Новые законы, новая государственность не принесли успокоения и наступления мира.

Вместе с этим они поставили перед интеллектуалами ряд новых проблем, решением которых они занимались на протяжении всего межвоенного и послевоенного периодов: как возможна война и как не допустить новой, что представляет собой насилие, как быть свободным при тирании и т. д.

Несомненно, из произошедших событий возможно сделать вывод, чтобы не допустить новых войн в будущем. Но память о Первой мировой

войне не смогла остановить новую. «Реальная история сконструированного нацистами ада крайне необходима для будущего. Не только потому, что эти факты изменили и отравили самый воздух, которым мы дышим, не только потому, что теперь они населяют наши сны ночью и проникают в наши мысли днем, – но еще и потому, что они стали базовым опытом... Те, кто однажды почувствуют себя достаточно сильными, чтобы рассказать всю историю, должны будут, однако, понять, что *сама по себе* эта история не может дать ничего, кроме скорби и отчаяния, не говоря уже об аргументах в пользу какой-либо конкретной политической цели» [Арендт, 2018. С. 350–351]. Возможно, поэтому, рефлексировав о прошлом опыте, Х. Арендт, Э. Фёгелин и Л. Штраус в своих исследованиях пытаются понять насилие, рассмотреть его в разных формах, а также представить, как ученый может быть свободным в выражении своих мыслей и идей, не опасаясь преследования.

Список литературы / References

- Арендт Х.** О насилии // Мораль в политике: Хрестоматия. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 312–377.
- Arendt H.** O nasilii [On Violence]. In: Moral' v politike [Morals in policy]. Anthology. Moscow, MSU Publ., 2004, p. 312–377. (in Russ.)
- Арендт Х.** Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 712 с.
- Arendt H.** Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm [Essays in Understanding, 1930–1954. Formation, Exile and Totalitarianism]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018, 712 p. (in Russ.)
- Павлов А. В.** О тирании и искусстве письма // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 115–124.
- Pavlov A. V.** O tiranii i iskusstve pis'ma [On the tyranny and the art of writing]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2011, no. 3. p. 115–124. (in Russ.)

- Рот Й.** Дороги еврейских скитаний. М.: Текст, Книжники, 2011. 156 с.
- Rot J.** Dorogi evreiskih skitanii [The Wandering Jews]. Moscow, Tekst, Knizhniki Publ., 2011, 156 p. (in Russ.)
- Фёгелин Э.** «О тирании» Лео Штрауса // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 125–130.
- Voegelin E.** “O tiranii” Leo Shtrausa [“On tyranny” by Leo Strauss]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2011, no. 3, p. 125–130. (in Russ.)
- Цвейг С.** Вчерашний мир: воспоминания европейца. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 480 с.
- Zweig S.** Vcherashnii mir: vospominaniya evropeitsa [The World of Yesterday: Memories of a European]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016, 480 p. (in Russ.)
- Чернявская А., Маштаков Д.** Бытие «между»: пролегомены к политической теории Эрика Фёгелина // Логос. 2015. Т. 25, № 6. С. 180–195.
- Chernyavskaya A., Mashtakov D.** Bytie “mezhdy”: prolegomeny k politicheskoi teorii Erika Fyogelina [Being “in Between”: Prolegomena to Eric Voegelin’s Political Theory]. *Logos*, 2015, no. 6, p. 180–195. (in Russ.)
- Штраус Л.** Введение в политическую философию. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с.
- Strauss L.** Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu [An Introduction to Political Philosophy]. Moscow, Logos, Praksis Publ., 2000, 364 p. (in Russ.)
- Штраус Л.** Германский нигилизм // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2013. № 6. С. 182–205.
- Strauss L.** Germanskiy nigilizm [German nihilism]. In: Politiko-filosofskii ezhegodnik [Political and philosophical year-book]. Moscow, IF RAN Publ., 2013, no. 6, p. 182–205. (in Russ.)

Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей, 2007. 312 с.

Strauss L. Estestvennoe pravo i istoriya [Natural richt und history]. Moscow, Vodolei Publ., 2007, 312 p. (in Russ.)

Burger H. Heimatrecht und Staatsbürgerschaft österreichischer Juden. Wien, Köln, Weimar, 2014, 274 S.

Материал поступил в редколлегию

Received

05.04.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Давлетшина Анна Маратовна, ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия)

Anna M. Davletshina, assistant of Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (51 Lenin Str., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation)

a.m.davletshina@urfu.ru